

ЧЕХОВ

В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕАТРЕ

Антон Павлович Чехов. Это имя, которое стало дорогим сотням и тысячам людей, как имя чудесного писателя и великого гуманиста, для меня тесно и неразрывно связано со всей моей жизнью, с Художественным театром. Для нас, молодых артистов МХТ (а встретились мы с Чеховым впервые, когда ещё только начинали свой путь), для нас он был не только писателем. Это была целая полоса в нашей артистической и человеческой судьбе, это была встреча с русской жизнью во всей её сложности.

Ещё тогда, когда Художественного театра не существовало на свете, когда я и мои товарищи, тоже ставшие впоследствии актёрами МХТ, учились на III курсе Филармонического училища, наш руководитель Владимир Иванович Немирович-Данченко мечтал о постановке чеховской «Чайки». Он заразил нас своей любовью к пьесе, и мы не разлучались с жёлтым томиком Чехова, читали и перечитывали эту пьесу, ещё не понимая, как её можно играть. Ведь «Чайка» была совсем не похожа на те занимательно написанные, но пустые и безжизненные пьесы, которые шли на сценах других театров.

В Филармоническом училище нам так и не удалось поставить «Чайку». И вот мы, уже артисты молодого, ещё никому не известного Художественного театра, берёмся за «Чайку». Это было очень страшно. Ведь в Петербурге, в Александринском театре, где играли крупные актёры, она провалилась.

В это-то время на одной из репетиций и появился впервые в нашем театре Чехов.

До сих пор до мелочей помню всё, что происходило тогда. Трудно рассказать словами о волнении, которое охватило всех нас при встрече с любимым писателем. Он пришёл к нам 9 сентября 1898 г. в Охотничий клуб на Воздвиженке, где шли репетиции, — здание нашего театра было ещё не готово. Чехов был совсем не похож на «знаменитость», и нас поразила его простота, скромность, даже застенчивость. Он не умел «учить», «показывать», и, когда актёры спрашивали его, как им играть, он отвечал так, что мы не знали, всерьёз это или в шутку. Станиславскому, например, игравшему роль писателя Тригорина, он посоветовал... надеть клетчатые брюки. Только с годами мы научились понимать глубину замечаний Антона Павловича.

17 декабря 1898 года мы играли «Чайку» в первый раз. Наш маленький театр был не совсем полон. В то время, хотя мы уже сыграли трагедию «Царь Фёдор Иоаннович» и успех спектакля был большой, считалось, что у нас в театре обстановка интереснее актёров. В «Чайке» же нет ни особой обстановки, ни красивых костюмов — только игра актёров.

Беседа с народной артисткой
СССР

О. Л. КНИППЕР-ЧЕХОВОЙ

★

Мы все точно готовились к атаке. Настроение было серьёзное, избегали даже говорить друг с другом. Во время первого акта в зале чувствовалась недоумение, беспокойство, зрителей поразила необычная темнота на сцене и то, что актёры сидели спиной к публике (это тогда не полагалось). Но вот после третьего акта — несколько секунд тишины, а потом что-то случилось, точно плотину прорвало. Всё слилось в одно сумасшедшее ликование, зрительный зал и сцена были чем-то одним, занавес не опускали, мы все стояли, как пьяные, у всех текли слёзы, мы обнимались, в публике звенели взволнованные голоса, говорившие что-то, требовавшие послать телеграмму в Ялту...

А. П. Чехов и К. С. Станиславский за первым чтением «Чайки».

После огромного успеха «Чайки» все пьесы Чехова одна за другой шли у нас в театре: «Дядя Ваня», «Три сестры», «Вишнёвый сад» и уже после смерти Чехова — «Иванов».

Я играла во всех этих пьесах, но самыми любимыми моими ролями были Маша из «Трёх сестёр» и Раневская из «Вишнёвого сада».

Роль Раневской далась мне трудно, я много мучилась с ней, иногда отчаивалась, а Антон Павлович удивлялся и, казалось, не понимал, какой силой он наделил этот образ, какой глубокий смысл скрывается за внешними фактами жизни его героини.

Вообще все пьесы и рассказы Чехова, небольшие по объёму и скромные по манере, рассказывают о жиз-

ни гораздо больше, чем может показаться на первый взгляд. За каждой строчкой его рассказов встаёт целая картина русской жизни. Чехов удивительно умел наблюдать жизнь. У него был светлый ум и большое, любящее сердце, и он всегда с радостью показывал душевную красоту простых и на первый взгляд незаметных русских людей. При всей своей душевной мягкости он был непримирим к тому, что уродует жизнь: к проявлению несправедливости, пошлости, сбывательщины. И если Чехов не знал, как бороться за лучшую жизнь, то старую жизнь он осудил беспощадно, и все его рассказы говорят о том, что «больше так жить невозможно».

Именно поэтому Чехова в те годы часто называли пессимистом. А между тем мало кто умел так любить жизнь во всех её проявлениях, как он. Он интересовался решительно всем и радовался всякому известию: о постройке нового дома, открытии больницы, школы. Он любил людей и природу. Помню, как он показывал мне свои мелиховские «владения»: пруд с карасями, которыми гордился, — он был страстный рыбак, — огород, цветник. Он очень любил садоводство, любил всё, что даёт земля. И впоследствии, купив в Ялте пустырь, своими руками превратил его в сад. Чехов вместе с сестрой начертил план сада, со всех концов России выписывал кустарники и фруктовые деревья, сам сажал каждое дерево. Да и в жизни Антон Павлович меньше всего был пессимистом — он был смешлив, любил весёлые рассказы и смеялся так заразительно, что все смеялись вместе с ним. Он любил фокусников, клоунов, охотно посещал народные гулянья, ярмарки. Даже тяжёлая болезнь не наложила на него отпечатка себялюбия, эгоизма.

Мягкий, деликатный, Чехов был в то же время человеком большой душевной силы. Он умел так переносить всякое горе, что о его переживаниях никто и не догадывался. И как бы ни казались безстрастны его рассказы, он всегда умеет незаметно, но твёрдо повести читателя за собой, к своей любви, к своей вере.

А любил он того простого, внешне незаметного человека, которого сделал героем большинства своих рассказов, и верил он, что жизнь станет прекрасной. Именно поэтому Чехов до сих пор остаётся любимым писателем миллионов людей.

И сейчас, когда ушла в прошлое ненавистная Чехову жизнь, особенно хочется вспомнить бодрые слова, написанные Чеховым незадолго до смерти в рассказе «Невеста»:

«О, если бы поскорее наступила эта новая, ясная жизнь, когда можно будет прямо и смело смотреть в глаза своей судьбе, сознать себя правым, быть весёлым, свободным! А такая жизнь рано или поздно настанет!»